

из русского языка и адаптированных якутским языком собственных имен, например: *Байбалыков* и *Байбаллыров* (<якут. Байбал <рус. Павел), *Басылайканов* (<якут. Баһылай <рус. Василий).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Материалы по истории Якутии XVII века*. М., 1970. С. 164, 222, 246, 194.

² См.: *Токарев С. А.* Общественный строй якутов. XVII—XVIII вв. Якутск, 1945. С. 320.

³ *Токарев С. А.* Очерки истории якутского народа. М., 1940. С. 133.

⁴ См.: *Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А.* Древний Зашиверск. М., 1977. С. 52, 56, 74.

Л. А. Сергеева

Уфа

ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПРОЗВИЩ

Прозвища являются коннотирующими именами, способными не только называть, но и обозначать что-либо, имплицировать атрибут; их семантическую основу составляет указание на существенное, характерное качество называемого лица. В отличие от официальных наименований (имени, отчества и фамилии) прозвища всегда связаны с образными переживаниями и выражают эмоциональную оценку.

В данной статье на материале прозвищ, наблюдаемых в речи школьников города Уфы, исследуются некоторые закономерности формирования и функционирования эмоционально-оценочных значений.

Как показали наблюдения над речью школьников, прозвища выражают богатую гамму эмоциональных оттенков — от интимно-ласковых до резко уничижительных [1], но в любом случае они оценочны по своей природе. Аксиологический характер прозвищ отличает их от фатических имен, которые производятся от фамилий и выполняют в детском коллективе лишь «контактоустанавливающую функцию», «определяют атмосферу общения» [2], например: *Серый* (*Сергеев*), *Ткач* (*Ткачев*), *Крупа* (*Крупин*), *Козырь* (*Козырев*) и др. Фатические имена следует квалифицировать как прозвища, если они содержат в своем значении коннотативно-оценочный момент, например: *Ваня* (*Иванов*, очень доверчивый и простодушный), *Голубь* (*Голубева*, тихая, скромная), *Дрема* (*Дремин*, ленивый, флегматичный) и т. д.

Эмоциональная оценка прозвищ характеризуется определен-

ными закономерностями возникновения и особенностями восприятия.

Во-первых, эмоциональная оценка может создаваться за счет экспрессивности логической оценки, которая, в свою очередь, входит в предметно-логическую часть значения прозвища, например: *Пучеглазый* (имеет глаза навывкате), *Дохляк* (худой и болезненный), *Немытка* (неряха), *Тощак* (излишне худой), *Жирняк* (излишне полный) и т. п. В этом случае эмоциональная оценка по характеру всегда совпадает с логической, и в ее возникновении участвуют два фактора: семасиологический и стилистический.

Семасиологический фактор заключается в образности, фигуральности оценочных значений. Это достигается путем создания семантически прозрачных слов, в которых оценочные компоненты являются «открытыми» и часто имеют оттенок гиперболизации, например: *Бочка С Жиром* (очень полная); *Чужезнайка* (постоянно списывает, отвечает по подсказкам) и т. п. Стилистический фактор, обуславливающий эмоциональную оценку, заключается в данном случае в использовании просторечных апеллятивов, которые имеют ярко выраженный экспрессивный характер (*Дохляк*, *Пучеглазый*, *Толстомясый* и т. п.).

Во-вторых, эмоциональная оценка прозвищ может создаваться за счет метафорического переосмысления апеллятива. При этом в качестве внутренней формы выступают либо отдельные компоненты апеллятива, перенесенные в другую денотативную область, либо различного рода коннотации.

В структуру значения прозвищ, как правило, включаются только некоторые семантические признаки апеллятива, например: *Телебашня* (высокая, полная), *Антенна* (высокая), *Русалка* (длинноволосая), *Тумба* (полная, неуклюжая), *Куколка* (*Куколев*, голубоглазый, кудрявый, похож на девочку), *Малай* (башк. «мальчик»; о русском мальчике, похожем на башкира), *Дуга* (сутулая) и др.

При метафорическом переосмыслении апеллятива большую роль играют коннотации. Коннотации, формирующие значение прозвищ, неоднородны: одни отражают общенародные знания о предмете, полученные в результате его практического использования (социальный аспект коннотаций), другие представляют собой сведения о конкретном референте (индивидуальный аспект коннотаций).

Общенародные знания о предметах коннотируют, как правило, прозвища, образованные от антропонимов и зоонимов, которые довольно широко употребляются в речи школьников. В качестве апеллятивов антропонимических по происхождению прозвищ могут выступать имена и фамилии реально существовавших людей или литературных героев. Фамилии известных исторических личностей обычно используются для характеристики лиц с точки зрения их интересов, склонностей, способностей и т. п., например;

Попов (радиолюбитель), *Битлы* (увлекаются музыкой), *Ньютон* (любит физику), *Чапай* (любит командовать в военных играх), *Братья Гримм* (выдумщики, любят рассказывать различные истории) и т. п. Фамилии литературных героев чаще употребляются для характеристики лиц по внешнему виду и чертам характера, например: *Обломов* (ленивый, любит поспать), *Эллочка* (*Людоедка*) (недалекая, склонная к потребительскому отношению к людям), *Пятница* (бессловесный, легко подчиняется чужой воле), *Синяя Борода* (обижает девочек) и т. п.

Прозвища, образованные от названий животных, как правило, характеризуют внешность или характер человека, например: *Боров* (полный, сильный), *Козел* (глупый), *Головастик* (большоголовый), *Пантера* (быстрая, гибкая), *Слон* (грузный, с тяжелой походкой), *Заяц* (трусливый), *Киса* (мягкий, добродушный) и т. п.

Общеизвестные сведения о предмете коннотируют прозвища, образованные от слов, которые в общенародном языке характеризуют человека по его внешним признакам (*тумба, бочка, пышка* и др.), чертам характера (*ветер, кулак* и др.) и интеллекту (*пень, профессор, дуб* и др.). Тенденция к употреблению подобных слов в прозвищном значении объясняется ярко выраженной экспрессивностью их значений [3].

Социальный аспект коннотаций известен всем носителям языка, в то время как индивидуальные коннотации, обусловленные признаками конкретного лица, непредсказуемы. Этот тип коннотаций лежит в основе значений прозвищ, которые даются человеку по какому-либо случаю, например: *Южная Америка* (за неудачный, смешной ответ по географии), *Ребенок* (мать спорила с учительницей, защищала «ребенка»), *Штопанный* (после травмы мальчику накладывали швы), *Делегат* (участник комсомольской конференции, неудачно выступил с сообщением) и др.

В процессе функционирования прозвища его мотивация может быть забыта окружающими: «...потеря мотивации, отсутствие условий, поддерживающих прозвище, могут привести к его утрате» [4]. Но если прозвище сохраняется, оно приобретает новые коннотации, новую, вторичную мотивацию. Более того, прозвища могут приобретать новую мотивацию, не утратив старой, вследствие чего представление об их внутренней форме у разных лиц может не совпадать. Так, внутреннюю форму прозвища *Голова* одни учащиеся представляют как «имеющий большую голову» (возможно, в первые годы обучения), а другие как «умный», прозвище *Ана* (созвучное с обращением к женщине, старшей по возрасту, в башкирском языке) — как «старшая по возрасту» или «любит носить платья в стиле башкирского народного костюма» и т. п.

Одно и то же прозвище сохраняет мотивации, которые связаны или с негативной, или с мелиоративной характеристикой лица.

Это свидетельствует о том, что выражение эмоциональной оценки является их важнейшей функцией.

При этимологически затемненной внутренней форме эмоциональная оценка эксплицируется морфологическими или фонетическими средствами языка.

К морфологическим средствам относятся прежде всего суффиксы субъективной оценки: *Петюнчик, Колястик, Головастик* и т. п., причем их сочетаемость с корневыми морфемами может быть нарочито парадоксальной, что увеличивает эффект иронии, насмешки, например: *Верняк* (безответственный, на него ни в чем нельзя положиться).

Среди фонетических средств выражения эмоциональной оценки типичны намеренное отступление от норм литературного произношения (*Лянид, Кинстинтин* и т. п.), а также выбор экспрессивных звуковых сочетаний: *Чхака* (постоянно простужен, часто чихает), *Бебе* (беспомощный, как ребенок) и т. п.

Подведем некоторые итоги. Наблюдения над группой прозвищ, функционирующих в речи школьников города Уфы, позволили сделать вывод о том, что семантика прозвищ двупланова: с одной стороны, они называют существенный, характерный признак лица, а с другой — выражают эмоциональное отношение к нему со стороны окружающих. Аксиологический характер прозвища сохраняется и в тех случаях, когда изменяется его мотивация. Эмоциональная оценка выражается как внутренней формой прозвища, так и его внешней формой (морфологической структурой и звуковым оформлением).

Соотношение характеристического и оценочного компонентов в структуре значений различных прозвищ может быть неодинаковым: как правило, наблюдается превалирование одного компонента над другим. Это можно объяснить, по-видимому, спецификой их функционального назначения. Так, прозвища, которые употребляются в интимном кругу, выполняют главным образом функцию установления контакта. Понятийный компонент в значениях подобных прозвищ нейтрализуется, поскольку в данном случае нет необходимости в выделении лица из ряда окружающих по какому-либо характерным признакам, и оценочный компонент превалирует над понятийным, например: *Зайчик* (прозвище ребенка), *Звездочка* и т. п. Напротив, если главной функцией прозвища является персонификация лица — объекта наименования, то оно сохраняет свою понятийную основу (указывает на характерные признаки лица). Если при этом прозвище служит для установления контакта, то в нем, как правило, нейтрализуется или ослабляется оценочный компонент, например: *Ньютон, Штопанный, Братья Гримм* и т. п. Однако в тех случаях, когда прозвище дается «за глаза», употребляется не с целью общения, оно сохраняет оба компонента (*Пень, Козел, Толстомясый, Тумба* и т. п.).

Итак, прозвища по своей природе полифункциональны: в речи они выполняют функции характеристики, персонификации и оценки лица в каком-либо коллективе, а также функцию установления контакта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ушаков Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена: (к вопросу о границах прозвища) // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 152.

² Александрова О. И. Неофициальные личные имена в частной переписке в дневниковых записях конца XIX — нач. XX века // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3. С. 130.

³ См.: Никулина З. П. Из наблюдений над группой прозвищ по внешнему признаку // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 178.

⁴ Ушаков Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена... С. 160.

Т. П. Романова

Куйбышев

ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ИППОНИМА И СТРУКТУРА ИППОНИМИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Официальная иппонимия (клички племенных лошадей, выращенных на конных заводах) — один из тех разрядов ономастической лексики, где образование новых имен является живым процессом, порождающим тысячи новых слов. Ее изучение дает возможность на массовом материале рассмотреть процесс формирования ономастической системы, проанализировать семантико-стилистические критерии выбора слова для собственного имени (СИ).

Каждое племенное животное должно в идеале иметь индивидуальную кличку, которая является единственным различительным знаком для паспортизации племенного поголовья в масштабах страны. По традиции клички племенных лошадей русских рысистых пород образуются лексико-семантическим способом, например: *Ажур, Польша, Марта, Казбек, Лужок* и т. п.

В рассматриваемой области мы имеем дело с практической неограниченностью именника. На первый взгляд поражает пестрота и внешняя неупорядоченность лексики, используемой для кличек. Однако существуют некоторые общие тенденции, которым подчиняется производство иппонимов. Большинство употребляемых здесь слов обладает вполне определенными семантико-стилисти-